КРУПНЫЙ ПЛАН

Во время визита в Сербию в феврале этого года российская делегация возложила цветы к памятникам воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны. После окончания мероприятий и пресс-подхода глава МИД Сербии Ивица Дачич преподнес Марии Захаровой пряник в виде сердца. В пуле российских журналистов, освещавших визит Сергея Лаврова в Сербию и Словению, работала и главный редактор «Красного Севера» Надежда Кузьминская. | Фото автора

Стратегическое терпение должно быть не пассивным, а активным.

- Поскольку речь зашла в том числе и о Великобритании, нельзя не спросить ваше мнение по поводу отставки министра иностранных дел Бориса Джонсона.

- Есть мнение: он ушел, чтобы вернуться. Это заявка на будущую политическую деятельность. Ассоциироваться и впредь с правительством политически опасно для человека, который будет и дальше продолжать карьеру. А это не вызывает сомнений. Идут компромиссы по Брэкзиту, ему невыгодно с ними ассоциироваться. Не хочется солидаризироваться с теми, чьи политические усилия были направлены на «вытаскивание» Брэкзита - это и Скрипали, и российская угроза. Тем более что умерла уже британка. И тут он уже полностью берет грех на душу, ведь он фронтмен этих процессов, именно он транслирует информацию на весь мир. Кабинет трясет и лихорадит. И когда Тереза Мэй уйдет, у Джонсона появится шанс вернуться уже в качестве премьер-министра. На внутреннем рынке он очень популярен, в том числе и за счет своей эксцентричности.

Как политический маневр это напоминает историю с Хиллари Клинтон. Когда выбирали Обаму, они заключили соглашение о том, что Клинтон уходит с первых позиций демократической партии, поддерживает его, а он гарантирует ей должность госсекретаря и направляет в Госдеп деньги. Так все и произошло. Четыре года первого президентского срока Обамы Хиллари Клинтон наращивала себе международную мускулатуру, а он закачал в Госдеп просто нереальный бюджет (поэтому Трамп сейчас его сократил до «дообамовского» объема). А поддерживались ее международные проекты для того, чтобы потом запустить Хиллари на орбиту новой предвыборной гонки. Через четыре года Клинтон уходит с поста, чтобы иметь развязанные руки и не полностью ассоциироваться с командой президента, а через два года подойти к праймериз, возможно, даже с позиции критики Обамы по целому ряду направлений. Это и есть политическое маневрирование.

- Вы эмоциональный человек с обостренным чувством справедливости. Но в представлении многих дипломат - сдержанный человек, не имеющий возможности говорить все, что он думает.

- Конечно, переговорный процесс никто не отменял. И я слежу за тем, как это делает наш министр Сергей Лавров, который знает все подковерные интриги, но при этом блистательно ведет переговоры. Поэтому учусь у него. И хотя понимаю, что пока далека от этого на 100 световых лет, образец для подражания у меня есть.

Но сейчас время, когда от дипломатического, протокольного языка все переходят к достаточно открытой повестке. Сейчас нужно говорить честно и прямо, оставаясь, конечно, в рамках принятой этики. И эта прямота в плане четкости формулирования позиции востребована, потому что люди хотят понимать, что происходит, а не слышать завуалированные фразы из серии «и нашим, и вашим».

ТОВАРИЩ С СОСЕДНЕГО ЛЕЖАКА

- С удовольствием читаем ваши комментарии в социальных сетях. Вы лично ведете свои аккаунты?

- У меня их два - в «Фэйсбуке» и «Инстаграме», и я веду их сама. Конечно, это дополнительная работа, но и дополнительная возможность. С их помощью проще доносить свои мысли и распространять их достаточно широко. Сайт МИДа придерживается определенной стилистики. А в соцсетях ты можешь понятным всем языком разложить все по полочкам. У меня постоянно допытываются: это официальная позиция или личная? Сегодня, когда человек просто опутан средствами массовой коммуникации, невозможно отделить одно от другого. Когда я иду по улице, разве я перестаю быть официальным представителем МИДа? Ко мне подходят люди, задают вопросы. Я же не могу им сказать: «Отойдите, я устала, я сейчас просто Маша Захарова. Мне нужно мое личное пространство». Могу я так сказать? Конечно, нет. Не напишу я в соцсетях про свой отпуск - напишет товарищ с соседнего лежака.

- Мы просто хотели уточнить, не фейковые ли это страницы?

- Вопрос верификации страницы (подтверждение подлинности. - Прим. ред.) очень интересный. При всем моем уважении к Ефиму Шифрину, когда у него было четыре тысячи подписчиков в «Фэйсбуке», у меня было 180 000, посты активно цитировались. Тем не менее у него на странице стоял знак того, что он прошел верификацию, а я никак не могла эту галочку получить. Пишем администратору: «Пожалуйста, вот мои данные…» - никакой реакции. Ноль! Хотя у любого пользователя, представляющего наше либеральное крыло, галочка стоит. И так мне это надоело, что в какой-то момент, когда мне задали на брифинге вопрос о соцсетях, я сказала, что «Фэйсбук» ведет двойную игру. Через час у меня были верифицированы оба аккаунта.

- Получается, у вас совсем нет частной жизни?

- Отпуск - семья - здоровье - вот что для меня входит в понятие личной жизни. Я отдыхала с семьей в Сочи, в соцсетях написала, что у меня начался отпуск. Но не написала, где

> Сфотографировали меня на Манхэттене в шубе. Я ее купила на ярмарке в Москве, на которую привозят предметы народных промыслов со всей России, разные поделки. Так вот - шуба из оцелота. А написали, что это леопард от «Дольче и Габбана».

Мария Захарова никогда не расстается с телефоном и сама ведет свои аккаунты в социальных сетях.

именно я его проведу. Когда он уже закончится, я опубликую фотографии. Если я это не сделаю, то кто-нибудь обязательно напишет, что я каталась на частной яхте либо видели меня на виллах олигархов. Но если бы я сразу указала, где именно буду отдыхать, началось бы паломничество. Я и так плыву, а рядом кто-то выныривает: «Мария Владимировна, все никак не могла к вам близко подплыть - вы слишком быстро плаваете. Давайте поговорим».

У меня и мама недоумевает: «Зачем ты пишешь, что приехала на дачу?» Да потому, что иначе будут сочинять про меня небылицы.

Сейчас все настолько наэлектризовано с точки зрения коррупции, что ты должен быть готов ответить на любой вопрос. Меня достали с моей сумкой: якобы она стоит 30 тысяч долларов. Да если бы у меня были такие деньги, то сумка была бы последним, на что я их потратила бы! На самом деле она стоит меньше 200 долларов, просто она большая и удобная. Пачками приходят вопросы, сколько стоят мои платья и чьего они производства.

- Но вы относитесь к этому с достаточной долей иронии?

- Конечно. Мы приехали в Нью-Йорк зимой. Без шубы нельзя. Выхожу из отеля, на мне туфли - наши, отечественные, на высоком каблуке, легкая короткая шуба из оцелота, очки, в руках сумка. И вдруг мне наперерез бросается женщина солидного возраста: «Стойте! Какое горе, что со мной нет моей внучки. Я обещала ей, что привезу ее в Нью-Йорк на Манхэттен и покажу настоящую обитательницу этого города. Кто сейчас в Штатах носит туфли на каблуках? Только в Нью-Йорке остались такие женщины». Я понимаю, что надо как-то выходить из этой неловкой ситуации: «Мне очень неудобно вас разочаровывать, но я русская». У человека мир рухнул! И я описала потом в посте это как смешную историю: вот они - жертвы антироссийской пропаганды, следующим этапом станет заявление не о том, что мы их завоевали, а о том, что мы стали ими. Что тут началось! Проснулись все украинцы, живущие в Нью-Йорке и окрестностях - не на Манхэттене, конечно, а в Бруклине, Бронксе, Нью-Джерси. И они начали писать, что невозможно было принять меня за жительницу Нью-Йорка, так как там не носят шубы под леопарда. Проходит два дня, наша делегация улетела, а у меня были консультации, я задержалась. Освободившись, иду от постпредства к отелю - по Мэдисон, затем свернула на Пятую авеню - и из всех витрин на меня смотрят леопардовые шубы мировых брендов. Я это фотографирую и пишу новый пост: видимо, после вашей дискуссии русские хакеры взломали еще и витрины.

- Вы хотели бы, чтобы ваша дочь стала дипломатом?

- Я точно не из тех людей, кто говорит: «Только не это». Но я буду счастлива, если ребенок сам определится, кем он хочет быть. Для меня самое большое счастье, когда у человека есть непреодолимое желание чего-то - стать кем-то, научиться чему-то.

Я окончила школу в 1993 году, когда вообще было непонятно, что происходит. Так получилось, что уезжали из Советского Союза, а приехали в Российскую Федерацию (отец Марии Захаровой - дипломат. - Прим. ред.). И у меня не могло быть такого оформленного желания, поскольку не было даже возможности посещать подготовительные курсы, где-то бывать, поскольку жили в ограниченном пространстве. Я приехала в Россию как Маугли. Вкус к тому, чем я сейчас занимаюсь, пришел позже. И если у дочери возникнет желание стать кем-то, я буду это только приветствовать. Потому что я верю в судьбу, в предназначение. Ни в коем случае нельзя ломать жизнь ребенку. На моих глазах разворачивались трагедии, когда ребенка заставляли становиться дипломатом только для того, чтобы он продолжил династию, а он в душе был поэтом или художником.

У моего папы другая история. Его отец был дальнобойщиком, мама - нормировщицей на заводе. Они про дипломатию ничего и не слышали. А папа учил французский язык, читал французскую литературу, и к старшим классам стал грезить дипломатией. Он поступил в институт в Ленинграде и постепенно пришел к профессии. Папа дошел до чтения в оригинале Сартра, которого и на русском-то нелегко читать. Ему не суждено было поработать во Франции, но он реализовал себя на китайском направлении. Для него это жизнь, судьба. На примере отца я видела, как это получается. И если дочь захочет быть дипломатом, я просто расскажу ей, что есть ряд издержек, о том, как трудно сочетать семью с работой, в которой постоянные командировки, ненормированный рабочий день, высокая степень публичности, необходимость ни на минуту не расставаться с телефоном. Но, с другой стороны, сколько примеров неустроенной личной жизни у женщин, которые не выезжали за пределы своего района. Надо просто верить в то, чем ты занимаешься, отдавать этому все, что у тебя есть. КС

Мария ЗАХАРОВА,
директор департамента информации и печати МИД РФ